

С тех самых пор как Цзян Умянь поручил советнику Чжану пустить в народ слухи, тот места себе не находил, раздумывая, когда именно стоит дать им ход.

Советник Линь, умиротворенно предававшийся созерцанию и постижению Дао, приоткрыл один глаз и со вздохом заметил:

— Брат Цзыфэн, ты так усердно меришь шагами комнату, что только зря изводишь себя пустой тревогой.

Цзыфэн было вторым именем советника Чжана.

Четверо советников уездной управы порой спорили по пустякам, но ладили между собой отлично, а потому с глазу на глаз издавна величали друг друга по вторым именам.

— Брат Шаочи, ты сам признал этот замысел блестящим, однако у меня всё ещё остаются сомнения. Не снизойдёшь ли до дружеского совета? — Чжан Жун только и ждал, когда товарищ нарушит молчание.

Задумку Цзян Умяня он в общих чертах понимал, но никак не мог решить, в какой момент выпустить слухи на волю.

Выждать несколько дней? Сколько именно? Какое число выбрать для верности? Вывалить всё разом, а после лишь подливать масла в огонь, или действовать осторожнее — то натягивая, то отпуская леску, словно при ужении рыбы? Поспешишь — не достигнешь цели, замешкаешься... и от доброго имени господина уездного судьи не останется и следа!

Даже не открывая глаз, Линь Шоуюань негромко обронил:

— Зри в корень, брат Цзыфэн. Ответь-ка мне: для чего нашему господину понадобились эти слухи?

Чжан Жун тут же перестал метаться. Поправив полы одеяния, он опустился на циновку напротив собеседника и, принимаясь за варку чая, рассудительно заговорил:

— Очистить имя от грязных наветов, вернуть уважение, завоевать доверие простого люда и набрать новых стражников в управу.

Будь Цзян Умянь набитым дураком, под его крыло потянулись бы хитрые интриганы. Прослыви он мздоимцем, слетелись бы любители пожить за чужой счёт. Окажись он падок на плотские утехи, ему живо подсунули бы смазливую девицу...

Но ведь их господин слыл суровым жнецом человеческих душ, самым вестником смерти!

У кого хватит безрассудства и крепости духа, чтобы добровольно явиться к такому человеку?

Впрочем, унывать не стоило. Ныне и знатные вельможи у трона, и безграмотные простолюдины в глуши одинаково охотно верили в разную чертовщину, призраков и вмешательство высших сил.

Если слухи о мистическом могуществе Цзян Умяня расползутся повсюду, уезд Шаюань наводнят толпы восторженных почитателей. Чего доброго, они прямо здесь объявят его святым и создадут новое учение!

Одно лишь смущало: сам уездный судья Цзян едва ли одобрит подобное рвение.

— «Освобождай их разум от ложных желаний, наполняй их утробы сытостью. Ослабляй их корыстную волю, укрепляй их кости», — процитировал Линь Шоюань слова мудреца Лао-цзы и сухо добавил: — Разум черни дремлет, они блуждают в тумане неведения.

Говорил он туманно, однако Чжан Жун давно привык к манере товарища изъясняться загадками при личных встречах.

Сам Цзян Умянь не выносил пустой софистики и игры слов. Он предпочитал сухой язык законов, во всём наводя образцовый порядок: чёткие предписания, параграфы и правила, в которых разберётся любой.

Взять хотя бы разработанную им систему подённой оценки труда для переселенцев, или строгие требования к отчётности, которые он предъявил советнику Цзяну, или образцы ведомостей для сметы зернохранилищ, составленные советником Чжао, — всё дышало непреклонной строгостью и педантичностью, выдавая почерк господина судьи.

Служба под началом такого человека имела свои несомненные достоинства: задачи ставились предельно ясно, без двусмысленностей, и не приходилось гадать по выражению лица начальника, чего же он хочет на самом деле. Однако крылся тут и немалый изъян: составить отчёт витиевато, дабы скрыть промахи, было невозможно. Малейшая ошибка всплывала наружу, и наказание следовало незамедлительно — пощады провинившийся не знал.

Линь Шоюань, признанный умнейшим среди советников, в присутствии уездного судьи выражался сухо и строго по делу, зато наедине с коллегами обожал напускать туману, вынуждая ломать голову над его речами.

Угадаешь ли ты истинный смысл или опростоволосишься — зависело исключительно от твоей сообразительности, сам Линь Шоюань за чужие ошибки ответственности не нёс.

Поразмыслив над его словами, Чжан Жун сообразил, что эти две разрозненные цитаты идеально описывают нынешнее положение дел в уезде Шаюань. Первая часть относилась к

беженцам, вторая — к местным старожилам.

В уезде сейчас образовалось два обособленных лагеря.

К первому принадлежали коренные обитатели, чьи предки веками возделывали эти поля, и чья жизнь от колыбели до могилы была неразрывно связана с родной землёй.

Второй лагерь составляли несчастные скитальцы, бежавшие от войны и голода. Ошалевшие от пережитого горя, они добрались до уездного города и нашли приют за его стенами лишь благодаря великодушию Цзян Умяня. Ныне они жили там без роду и племени, точно перекасти-поле на осеннем ветру.

Между двумя этими группами пролежала незримая пропасть, но связующим звеном для них оставался уездный судья. Местные жители находились под его защитой по долгу службы, а беженцы буквально зависели от его милости, ведь без него они бы попросту сгинули.

Чжан Жуна осенило:

— Блестяще! Какая тонкая мысль! Коренные горожане шарахаются от господина уездного судьи как от чумы, зато обездоленные переселенцы видят в нём своего спасителя и заступника. Если пустить слухи именно среди беглого люда, те грудью встанут на защиту его чести. Нашему господину даже марать руки не придётся — народ сам заткнёт рот любым клеветникам!

А лучшего момента для этого и не сыскать: благодарность переселенцев за сытую жизнь сейчас сильна как никогда!

С улыбкой приподняв горячий чайник, Чжан Жун почтительно наполнил чашу Линь Шоуюаня:

— Сколько ни размышляй, а без твоего проницательного ума не обойтись. Прошу, откушай чаю, брат Шаочи!

Линь Шоуюань открыл глаза, величественным жестом поправил широкий рукав и благосклонно принял подношение.

Вскоре, когда среди строительных артелей началось состязание по итогам второй декады работ, в лагере беженцев поползли странные толки о личности уездного судьи, постепенно овладевая умами.

Чжан Жун неусыпно следил за настроениями толпы. Стоило вымыслам принять опасный оборот, он тут же менял тактику, вбрасывая новые небылицы и незаметно направляя пересуды в нужное русло.

Цзян Умянь, поручив это дело советнику Чжану, полностью положился на его умение и больше не вмешивался.

У него и без того хватало забот: он с головой ушёл в изучение уездных архивов, чтобы на основе старых записей переработать «Генеральный план развития уезда Шаоюань».

Обустройство беженцев уже шло своим чередом, теперь следовало позаботиться о нуждах коренного населения.

— Господин судья, мы заново составили реестры рыбьей чешуи для трёх волостей близ города, вот старые записи для сравнения, — доложил Линь Шоуюань. — Свободных людей у нас мало, так что остальные пять волостей пока не обработаны.

Советник Линь разложил на столе увесистые свитки. На пожелтевших листах громоздились сведения о пахотных землях Шаоюаня, устроенных рыбных прудах, лесных угодьях и пологих холмах.

Этот подробнейший поземельный кадастр содержал исчерпывающие сведения о каждом клочке земли: его точное расположение, имя владельца, границы участка, общую площадь и плодородность почвы. К строгим записям тушью прилагались подробные чертежи, наглядно передававшие очертания наделов.

Мелкие участки на картах тесно прилегали друг к другу, напоминая чешую, отчего эти кадастровые книги исстари именовались «реестрами рыбьей чешуи».

Цзян Умянь отложил уездные хроники и едва слышно вздохнул.

Он недооценил глубину упадка здешних мест, а потому обустройство края придётся вести гораздо медленнее, чем он рассчитывал.

На бумаге его масштабные проекты выглядели безупречно: строгие законы, планы развития ремёсел, расширение торговли и даже привлечение богатых купцов со стороны ради оживления рынка.

На деле же местный люд едва сводил концы с концами, пытаясь выжить на бесплодной, истощённой почве.

Столкнувшись с суровой явью, Цзян Умянь ночи напролёт изучал архивы, выписывая особенности рельефа, погодные причуды уезда и виды собираемого урожая, силясь отыскать выход из тупика. Реестры рыбьей чешуи, оставшиеся от его предшественника, никуда не годились: границы участков в них были перепутаны, имена владельцев указаны неверно, а половина записей и вовсе стёрлась от сырости.

Вдобавок мятежники угнали с собой едва ли не большую часть здешних крестьян, отчего множество плодородных полей остались без присмотра и постепенно зарастали сорняками. В уезде царил полнейший разор, и Линь Шоуюаню пришлось составлять реестры рыбьей чешуи заново.

К сегодняшнему дню они успели навести порядок лишь в трёх волостях.

Внимательно изучив новые реестры рыбьей чешуи, Цзян Умянь обратился к советнику Линю, который лично объезжал крестьянские наделы:

— И каково же истинное положение дел?

Тот лишь сокрущённо покачал головой:

— Здешний край нисколько не похож на наши северные земли. Признаться, я поражён до глубины души.

В кабинете они находились наедине, а потому Линь Шоуюань позволил себе отбросить чиновную напыщенность и говорить прямо.

В этом не было ничего удивительного. Ни один из них прежде не бывал на далёком юге страны. Всю свою жизнь они провели в северных провинциях, поблизости от столицы, от которой до этих глухих мест лежало без малого четыре тысячи ли.

В народе недаром говорят: в десяти ли от дома — иные ветра, в ста ли — иные обычаи. Чего же ждать от такого расстояния?

— В своё время мне доводилось выращивать пшеницу и просо, — продолжил советник Линь, — а вот рис я только ел, так что опыта у меня маловато. Могу судить лишь по привычным мне северным пашням. Здешние земли почти сплошь заливные. Крестьяне выращивают рис, а в залитых водой чеках разводят травяного карпа. Для них вода — это жизнь, однако в пору паводков избыток влаги губит молодые всходы. Нужен глаз да глаз и немалый опыт, чтобы уберечь посадки.

Сейчас конец апреля, не успеет оглянуться, как настанет сезон «Колошения хлебов». На севере к этому времени тучи обычно рассеиваются, и крестьяне спешат всю поливать всходы. Здесь же, в Шаоюане, дожди льют стеной неделями. Опасаюсь, как бы не случилось большой беды.

Пусть рис и любит влагу, но буйный паводок способен с головой затопить неокрепшие стебли. Стоит воде застояться — и даже самое неприхотливое растение сгниёт на корню.

Здешние посевы и без того чахлые, а если их смочит наводнением, уезд ждёт неминуемый

голод.

Цзян Умянь согласно кивнул и протянул советнику Линю раскрытый том летописей:

— Во второй половине года на юге всегда бесчинствуют шторма и ливни. По силе паводков здешние края мало чем уступают землям Цзяннани и Хуайнани.

Ещё полмесяца таких ливней — и реки выйдут из берегов, а в устье начнется приливное наводнение. Число обездоленных тогда возрастет стократно.

У Линь Шоуюаня болезненно сжалось сердце. Уезд Шаоюань находился на грани разорения и второго удара судьбы просто не пережил бы!

Им и так приходилось содержать уйму беженцев, спасшихся от бунтовщиков. На их пропитание ушла добрая треть серебра, изъятого у казнённых мятежников.

Если предсказание судьи сбудется и на уезд обрушится новая напасть, растрата казны окажется меньшим из зол. Пока люди живы, всегда можно распахать новые земли.

Запасов в амбарах управы с грехом пополам хватит, чтобы прокормить народ и не допустить голодной смерти.

Но буйная стихия унесёт бесчисленные жизни, а коли край обезлюдует, то и о его возрождении можно будет забыть.

Советник Линь торопливо перелистал свиток, отыскивая записи о былых наводнениях:

— Восьмой год правления под девизом Цзяньюань: паводок унёс жизни сотни человек, вслед за ним вспыхнула моровая язва — девять домов из десяти опустели, земля покрылась костями. Десятый год Цзяньюань: переселили коренных жителей на новые места, но зарядили затяжные дожди, дома рухнули, задавив без малого сотню душ. Двенадцатый год... Четырнадцатый год...

Выходило, что несчастья обрушивались на уезд каждые два года из трёх. Сами по себе наводнения были страшны, но куда более сокрушительный урон наносили вспыхивавшие вслед за ними поварные болезни.

Глядя на скупые строчки летописи, Линь Шоуюань сперва побледнел, а затем его лицо налилось гневной краской.

— Какое изощрённое коварство! — процедил он сквозь зубы. — Клан Хань превзошёл сам себя в своей жестокости!

Цзян Умянь лишь презрительно усмехнулся:

— Клан Хань всегда славился показным великодушием, за которым скрывалась мелочная мстительность.

Мой достопочтенный учитель Се Яньхан не принадлежал к верхушке клана Се, его лишь краем задело разыгравшееся ненастье, но его без жалости сослали на северную границу, в ледяную пустыню. Местный воевода издавна враждовал с моим старшим соучеником, отчего жизнь учителя на чужбине превратилась в сущий кошмар.

С соучеником, державшим в руках военную силу, они связываться побоялись. Зато я — беззащитный выпускник академии, только-только получивший звание лучшего на экзаменах и не успевший обзавестись покровителями, — сделался для них лёгкой мишенью.

Я вырос в холодных краях, но меня отправили служить на знойный юг, в Линьнань. Сгинь я в дороге от непривычного климата или болотной лихорадки — им и руки марать не пришлось бы.

Если бы я чудом уцелел и добрался до Шаоюаня, у них оставался иной расчёт: бесконечные наводнения и толпы голодных беженцев неизбежно привели бы к бунту, в котором уездному судье проще всего сложить голову. А коли и тут судьба меня убережёт — после большой воды всегда приходит мор, от которого спасения нет.

В наши дни, когда обычная простуда способна свести человека в могилу, повальная болезнь не оставляет надежды на спасение.

Обычно правительство решает этот вопрос просто — выставляет оцепление и выжигает зачумлённый город дотла вместе со всеми жителями.

Клан Хань, отправляя его в эту глушь, без сомнения, держал в уме подобный исход.

— Впрочем, предаваться унынию рано. До наводнения ещё нужно дожить, не говоря уже о повальных болезнях, — Цзян Умянь устало потер переносицу и жестом велел советнику Линю перелистнуть свиток назад. — Открой-ка главу о земледелии. Нас интересуют способы удобрения почвы и разведение рыбы в рисовых чеках.

На севере простые землепашцы обычно удобряли пашни навозом и птичьим помётом, смешивая их с золой, глиной от старых построек и соломенной трухой. В северных степях в ход шёл овечий навоз — коровий сушили и берегли для растопки печей. Близ озёр и рек поля сдабривали плодородным илом, а зажиточные хозяева могли позволить себе покупку извести, гипса или серы для улучшения почвы.

В Шаоюане же всё обстояло иначе. Из-за обилия рисовых полей, густых посадок шелковицы и близости морского побережья крестьяне удобряли землю рыбьей чешуёй и потрохами,

рисовым отваром, куколками шелкопряда, а также толчёными раковинами устриц и мидий.

Цзян Умянь внимательно изучил все пометки о подкормке почв, но так и не нашёл упоминаний о зелёных удобрениях, столь необходимых для заливных полей.

Подобное удобрение представляло собой особую травяную культуру, которую запахивали прямо в землю без предварительного гниения в компостных кучах.

Эта трава приносила неоценимую пользу: сперва она делала глинистый грунт рыхлым, облегчая пахоту, а затем, разлагаясь, насыщала всходы живительной силой.

Вот почему это простое растение издавна прозвали зелёным удобрением.

Земля, подобно живому существу, требовала заботы и правильного ухода — от её сытости напрямую зависел осенний сбор зерна.

Цзян Умянь знал одно такое растение, превосходно уживавшееся с рисом. Отыскать его не составляло труда: этот сорняк ковром стлался по обочинам дорог, усеивал берега ручьёв и лез на крестьянские огороды — астрагал китайский.

Но одними речами тёмных земледельцев не убедить. С какой стати им верить приезжему чиновнику, утверждающему, будто сорная трава может заменить навоз?

Следовало заложить опытное поле. Если собрать с пяти му богатый урожай, весть об этом мигом разлетится по округе, и крестьяне сами, безо всяких указов, станут засевать астрагалом свои наделы.

Приняв решение, Цзян Умянь повернулся к советнику:

— Вели людям из строительной артели расчистить пять му пустующих земель на окраине.

Линь Шоуюань, как раз закрывший главу о разведении карпов, кивнул:

— Я расспрашивал местных стариков: сейчас самое время для высадки поздней рассады риса.

— Нет, — покачал головой Цзян Умянь. — Рис мы сажать не будем. Посеем траву.

Линь Шоуюань изумлённо уставился на него.

«Траву? Господин уездный судья, верно, шутит? Зачем тратить силы на расчистку целины ради обычного бурьяна?»

<http://bllate.org/book/19045/1917731>